

ФИЛОСОФИЯ

Скачков Алексей Сергеевич

канд. филос. наук, доцент

ФГБОУ ВПО «Омский государственный технический университет»

г. Омск, Омская область

**КОНСТАНТИН ЭДУАРДОВИЧ ЦИОЛКОВСКИЙ:
«PRO» АВТОТРОФНОСТЬ ИЛИ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕКА?**

Аннотация: автором статьи «автотрофные» размышления К.Э. Циолковского рассмотрены в связи с подменой субъектной матрицы понимания человека, общества и человечества индивидуной. Доказано, что в «космической философии» есть место двум версиям интерпретации общественного, сопряжённым с идеей общественной автотрофности. Также доказано, что индивидуально-организменная версия превращает идею общественной автотрофности в парафилософский конструкт.

Ключевые слова: космическая философия, «лучистое человечество», метатеория, общественная автотрофность, парафилософия, социальная философия, человечество.

Думаю, что проблема автотрофности лежит вне науки: человечество рождено биосферой, и представлять своё существование вне её, в некоторой искусственной среде, можно только в фантастических рассказах.

Академик РАН Никита Николаевич Моисеев

Объект данного исследования – идея «автотрофности людей» (т.е. «автотрофности» реальных общественных существ) в том её предъявлении, которое есть в размышлениях К.Э. Циолковского. Предмет – то в этой идее, что демонстрирует теоретико-мировоззренческие издержки в её же содержании, требуя их дезавуации. Причина издержек видится в том, что любая имеющая философское содержание идея, не раскрывая этого содержания, капсулируется в превращённую (парафилософскую) форму его выражения. При этом следует исходить из

рассмотрения любого философского конструкта, как генерируемого и саморазвивающегося в контексте внефилософских построений, становящихся – по отношению к построениям собственно философским – парафилософией, в которой «различимы две части: мировоззрение и наука» [14, с. 43]. Считаем: 1) крен к любой из указанных частей парафилософии философски нежелателен; 2) парафилософские мировоззренческие или «научные» превращения идеи появляются при максимальном отрыве одной из названных сторон её философского анализа от другой, и как следствии, в ситуации блуждания мысли между ними; 3) причина такого отрыва – неотрефлексированность, неустойчивость или эклектика мышления в его метатеоретическом аспекте; 4) устранение названного требует осознания и когерентной концептуальной фиксации метатеоретического аспекта любой идеи, имеющей философское содержание. На наш взгляд, понимание причин капсулирования идеи общественной автотрофности в превращённую форму выражения означает вскрытие метатеоретических просчётов в попытках её презентации. Поскольку же основными метатеоретическими конструктами, служащими пониманию социума, человечества, общества и человека, являются идеализированные объекты «субъект» и «индивид», то в операциях с ними (чаще всего неосознаваемых) в связи с мыслью об автотрофности в отношении к людям следует искать разрешение её научно-философской проблематичности и обоснованности. Полагаем, что путаное использование субъектной и индивидной матриц интерпретации и решения социально-философских проблем показательным и чётко проявилось в автотрофных» размышлениях Циолковского.

Аргументацию начнём с того, что в основе философских идей Циолковского – атомистическая доктрина в панпсихистско-энергетическом исполнении: «атомы-духи» – «бессмертные граждане космоса», дискретные единицы материи, «в пределе» представляющей собой «одну энергию» [12, с. 177]. Это «один из наиболее фундаментальных, если не самый фундаментальный» принцип «космической философии» Циолковского [6, с. 113] – залог его мечты «свести к механистическим закономерностям всё качественное многообразие мира»

[3, с. 703]. Для полноты «сведения» Циолковский и ввёл в понимание атома «человекомерную» добавку: постулировал свойство атомов испытывать приятные и неприятные ощущения в зависимости от того, в какой именно по «степени совершенства» форме организации они находятся, а также стремление избегать неприятного. Это вело к тенденции забвения грани между бытием, которое отнюдь не всё представлено живыми или социентальными (общественными) существами, и действительностью последних: живым и косным (в отличие от Н.Ф. Фёдорова и В.И. Вернадского, отмечавших принципиальную разницу между живой и неживой материей); наделённым социентальными качествами и ими не наделённым (что осталось втуне у Вернадского, но было чётко фиксировано Фёдоровым); личностью и организмом (Циолковский отрицал личностную основу человеческого «Я», которое для него лишь ощущения составляющих человека «атомов-духов», раз человек – «комбинация» таких «Я»); обществом и «союзами атомов»... В итоге – не полное устранение (что абсурдно), но неспособность выражать неустранимость этой грани при кажимости её устранения. Отсюда «антинормичность глубинных оснований космической философии,.. не имеющая прецедентов во всей истории философской мысли» [6, с. 110], неувязки в рассуждениях Циолковского о статусе, возможном и желательном будущем для общественных существ, земного человека и человечества. Утверждая разнообразие обществ («союзов») «атомов-духов» в динамике Универсума, Циолковский заявлял наивысшими из них – иногда используя для их обозначения слово «ангел» – те, что, имея «атомы-духи» в основе своей материальной организации, стали космически бессмертными. В них «атомы-духи» не «страдают»: такие общества используют в качестве основных ресурсов своего развития естественным образом рассеянные формы вещества, энергии и информации. Можно счесть, что это общества с общественной автотрофностью: «Циолковский, не зная об идее социальной автотрофности, по сути дела предложил кардинальный способ её реализации (впрочем, не только её, но тесно связанной с ней ноосферы)» [10, с. 205]. Но вообще-то ничего собственно об автотрофных ноосферных обществах в трудах Циолковского нет. Реально же у него есть уход от перспективной разработки

проблемы автотрофной общественной формы космического бессмертия: в силу сугубо утилитаристских предпочтений он просто перескакивал к её редукции до индивидно-организменной формы («гипотеза... превращения человека в... существо, способное жить... за счёт... солнечных лучей») [12, с. 252].

Разбирая массив работ Циолковского, можно обнаружить рукописный источник всех его «автотрофных» исканий и выводов: статью «Свободное пространство», задуманную не позднее 1878 г., т.е. примерно через два года по возвращению обратно в Вятку из Москвы (где он с 1873 г. по 1876 г. занимался самообразованием, посещал библиотеку Румянцевского музея, общался с Н.Ф. Фёдоровым, мечтал «о завоевании Вселенной»). В определении Циолковского «свободное пространство» – открытое внеземное (космическое в этом смысле) пространство с эффектами невесомости, потому безатмосферное, «безгазное». По Циолковскому именно такая среда идеальна для жизни, в том числе – жизни в её наивысших разумных проявлениях, поэтому она извечно населена «крайне для нас странными существами» [13, с. 30]. Согласно ему, в ходе предполагаемой для людей будущей постоянной жизнедеятельности в «свободном пространстве» – в итоге естественного или «искусственного подбора и преобразования», «неизбежных» при приспособлении к среде без тяжести и газов – «форма человеческого существа» с необходимостью радикально преобразуется, изменяется, поскольку «старая форма... невыгодна в борьбе за существование при новых условиях... не удовлетворяет идеалу новой среды» [13, с. 29–30]. Т.е. мы должны войти в сонм этих «странных существ». В написанном в течении 1886–1887 гг. тексте «На Луне» особо подчёркнута однозначно положительная оценка желаемой, предполагаемой, моделируемой «небесной» жизни, как «жизни без воздуха» [11, с. 248] и с малым, либо полностью отсутствующим притяжением. Такая оценка обусловлена тем, что гипотетическая жизнь в «свободном пространстве» имплицитно мыслилась Циолковским в качестве максимально отвечающей двоякому условию: наибольшей утилизации солнечной энергии механистически понимаемыми организмами, сообществами, организациями живых существ, их техническими устройствами; совершения максимальной механической работы

при минимальных энергетических затратах. Т.е. полнота непосредственной организменной и дополнительной технической утилизации рассеиваемой в космическом пространстве энергии с максимальной механической работой при минимальных энергетических издержках является по Циолковскому универсальным принципом удовлетворения любых нужд живых и в их числе – разумных существ. Этот утилитаристский и физикалистский принцип с его точки зрения задаёт все параметры системы условий индивидуального или общественного совершенства. Вместе с тем собственно утилизация солнечной энергии показана в повести «На Луне» (в отличие от более поздних работ) исключительно скудно и в тривиальном технико-технологическом ключе. Однако анализ содержания данной повести обнаруживает: в ней не присутствуя явно, присутствует намёком, неявно, характерная, сквозная для мировоззрения Циолковского идея непосредственной организменной утилизации солнечной энергии живыми существами, способными развиваться в вакууме и при малой, либо отсутствующей силе тяжести. Явно идеи высших разумных существ, усваивающих солнечную энергию (через особые хлорофиллосодержащие органы, как это будет заявлено Циолковским в опубликованной в 1895 г. работе «Грёзы о Земле и небе и эффекты всемирного тяготения» [11, с. 44–85]), нет. Нет оттого, что речь в повести идёт об использовании солнечной энергии реальными, а не вымышленными разумными существами, т.е. нами. Но мы – в случае соответствующим образом обеспеченного совместимого с жизнью нахождения на Луне – действительно, (даже на уровне достижений науки и техники 1886–1887 гг.) вполне могли бы (равно как и в превосходящей степени можем теперь) иметь эффективное орудийно-техническое, но не непосредственное организменное использование солнечной энергии в условиях этой безатмосферной планеты-спутника. Напр., посредством так называемых «солнечных» двигателей, моторов для соответствующих «машин», которые постоянно фигурируют в текстах Циолковского. В конце же XIX в. это были вполне наземные аппараты А. Мушо, Дж. Эриксона и т.д. В отношении таких аппаратов Циолковский и заявлял в повести от имени её героев о том, что «его («Мушо». – А.С.) усовершенствованная солнечная стряпня» [11, с. 248])

была ими превзойдена. Причём, следует знать, что о работах А. Мушо и Дж. Эриксона обстоятельно говорил в 1875 г. К.А. Тимирязев (публичная лекция «Растение как источник силы» в Императорском Техническом обществе Санкт-Петербурга). В ней же он высказался за возможность соединения технологий создания из неорганической материи органических пищевых веществ с технологиями «солнечных машин». О том же писал в статье 1880 г. «Труд человека и его отношение к распределению энергии» С.А. Подолинский, вкратце указывая на время усовершенствования «солнечной машины Мушо»: с 1861 г. по 1878 г. – год её демонстрации на Парижской всемирной выставке. Вообще же, мысль о возможности в будущем промышленного синтеза пищевых продуктов «из воздуха», как революции в социальной жизни, прогрессе в развитии чувств, опубликованная в 1876 г. в «Философских диалогах и фрагментах» Э.Ж. Ренаном, была тогда широко распространена. И отнюдь не случайно с 1877–78 гг. Н.Ф. Фёдоров в рамках «Записки от неучёных к учёным, духовным и светским, к верующим и неверующим» – в её 4-й части: «В чём наша задача?» – начал рассуждать о «полноорганных существах». Это гипотетические люди в статусе субъектов общечеловеческого «имманентного воскрешения», фабрикующие (неким гиперобщественным – «по образу Троицы» – и подчиняющим себе все существа, всю систему биосферы способом) всю свою телесную оболочку (организм) органо-поэтическим (пост-орудийно-техническим) – без искусственных покровов и орудий – способом усвоения «растительных процессов». Т.е. Фёдоров – пользуясь языком мифо-религиозно-поэтических образов и безрефлексивно-интуитивно переиначивая идейное ядро теории техники как органопроекции – стал заявлять об использующе-преодолевающем гипотетически возможный орудийно-технический синтез пищи из неживой материи и рассеянной лучистой энергии переходе(пасхе)-«преображении» людей в такой способ питания и соответствующий ему организм, которые формально подпадают под естественнонаучную кодификацию термином автотрофность (этот термин был предложен в 1860-е гг. В.Ф.Ф. Пфедфером). У Фёдорова всё это подано без какого-либо отсылочного

научного и философского аппарата: пример того, что специфически (парафило-софски) препарированные (условно научные и условно философские) рассуждения Фёдорова и уж точно Циолковского возникали, «основываясь на сведениях, известных из научной и научно-популярной литературы» [5, с. 129], и публиковались чаще всего без ссылок на источники идей и имена. С учётом сказанного подчеркнём: на протяжении всего своего мировоззренческого творчества Циолковский исповедовал, отстаивал, развивал смыслообраз одновременно гилозоистско-панпсихистской и механицистско-редукционистской сути (нормы, парадигмы) любого доступного нашему познанию сущего. В силу чего «блаженная» максимально утилизирующая лучистую энергию жизнь не просто противопоставлялась Циолковским жизни людей и земной биосфере, но само это противопоставление обуславливалось воображаемой и механистически понимаемой «живой», «чувствующей» атомно-энергетической сутью всего в мире в целом. Он (как и многие до него, начиная с архаических времён тотального мировоззренческого господства мифа), считая мир в целом сплошь состоящим из живых, в том числе – разумных существ, мыслил его как некий предельный организм / механизм, частями которого являются «кадры»-«разряды» в непрерывной веренице живых существ: от самых элементарных и примитивных, до предельно сложно-организованных «высших разумных существ» в виде живущих в свободном пространстве разумных «зоофитов» («животно-растений»). Об этом свидетельствуют все без исключения его работы. Напр., в брошюре 1929 г., в очерке 1934 г. вновь и вновь обсуждаются превращённые человеческие «животно-растения» [12, с. 102, 109, 189], и во Вселенной постулируется «господствующим наиболее совершенный тип организма, живущего в эфире и питающегося непосредственно солнечной энергией (как растение)» [12, с. 153]. Чтобы приобщиться к «господствующим», дабы они нас (по Циолковскому) не «ликвидировали», и требуется переделка организма нас с вами в нечто, что порой обозначают словосочетанием «зелёное чудовище Циолковского» [9, с. 100]. Считаем: гипотеза такого нечто явно паранаучного и парафилософского генеза. Хотя рациональное зерно есть. Оно в том, что интегральные общественные субъекты («союзы»)-общества по

Циолковскому), умеющие по преимуществу использовать потоки рассеянной энергии, вещества и информации, могут обеспечивать своё существование в своих же биосферах, эффективно коэволюционируя с ними (при этом неременном условии) потенциально бесконечно. С оговоркой о неопределённости космологических сценариев и допуске квазистационарной модели Универсума с локалами, способными вмещать биосферы. Напр., согласно теории раздувающейся, вечно юной, самообновляющейся Вселенной (бесконечного саморазвития ансамбля конкретных вселенных), в мире в целом, вероятно, всегда будет место вмещающим нас биосферам. В таком случае смыслообраз некоего совершенного человека-«животно-растения» есть бессознательная инверсированная проекция идеи коэволюции таких отнюдь не нематериальных биосфер с предельно развившими общественную автотрофность обществами. В них социентальные существа не перестают биологически быть «животными» (остаются организменно гетеротрофными), но всю мощь общественной жизни употребляют так, чтобы обеспечивать потенциально бесконечное существование в своей в целом автотрофной (по определению) биосфере, т.е. осуществляют наивысшую общественную автотрофность. В любом случае справедливо космокреативное стремление к усилению и распространению в космосе вмещающей нас, коэволюционирующей с нами биосферы.

Однако теоретически возможного совершенства космически бессмертных автотрофных обществ с вмещающими их биосферами или даже неких безбиосферных автотрофных индивидов-зоофитов на атомной основе отчего-то оказалось недостаточно. Более чем вероятно, в силу не стёртости грани между разными уровнями и слоями Универсума, следовательно, не полного отказа от субъектной интерпретации общественного. Отказ же от этой остающейся не стёртости как для кого-то недолжной теоретической ситуации аргументируется тем, что, оказывается, вся материя, какую бы «наивысшую» форму организации она не получала в виде «союзов совершенных существ», по определению является «страдающей». Т.е. признак «быть материальным» есть признак «быть страдаю-

щим», а раз «атомы-духи» материальны, то они оказываются вечными страдальцами. Отсюда вывод о том, что избавиться от страданий можно лишь путём радикального избавления от материи [15, с. 677] (и это при почти предсмертном и конфиденциальном заявлении Циолковского своим сторонникам: «Материя... вечна» [12, с. 205])! Но такой ход мысли близок сути «антисистемного мировоззрения», противостоящего жизнеутверждающим мировоззренческим системам (по Л.Н. Гумилёву). Поскольку же пространство и время суть атрибуты материи, то предполагаемое «избавление» людей и составляющих их (и не только) тела «атомов-духов» от «страданий» означает желательность для них существования вне пространства и времени: «Кончится и материя, и время. Возможно, кончится и пространство. Не будем скупиться!» [15, с. 676]. Т.е. постулируется желательность «человеческого» существования без материального космоса с существующей в нём материальной биосферой и социосферой в нечто без пространства и времени: в Ничто. Но это Ничто требует референта, так сказать носителя нематериальной абсолютной «лучистости». Тогда-то и появляется «эзотерический» [15, с. 660] конструкт «лучистое человечество» в «теории космических эр», объявляемой «тайной теорией, теорией для «посвящённых» [15, с. 677]. Естественно, что субъект такой теории предстаёт не иначе, как в виде «великого посвящённого» [15, с. 674]. В связи с чем отметим интересную параллель с мировоззренческими упованиями субъектов постмодернизма, напр., К. Ажежа, как сторонника «лелеемой многими мечты освободиться от природы, от материальности, от существования, переживаемого как принуждение» [7, с. 301]. Происходит это экзотическое «лучистое» явление при наличии неоднократного призыва Циолковского избегать «блуждания в потёмках оккультизма и спиритизма» [12, с. 32], стремиться «совершенно отрешиться от всего неясного, вроде оккультизма, спиритизма» [12, с. 142], поэтому вопрос об авторе названной теории решается неангажированными исследованиями не в пользу Циолковского [4]. Отвлекаясь от вопросов об историческом и социокультурном контекстах образования конструкта «лучистое человечество», сосредоточимся на возникающем в результате его применения абсурде. Суть его в следующем: как может Универсум

тотально (а в «теории космических эр» это именно так) стать «лучистым человечеством», «сверхновым человеком», если это означает исчезновение, по сути гибель, смерть в нём уже ставших космически бессмертными сущих (согласно аутентичным взглядам Циолковского)? Что это: смерть бессмертных во нематериальном (по «теории космических эр») социуме в виде «лучистого человечества», тотально поглощающего всё? И какой смысл тогда можно извлечь из фразы: «Философ представляет будущий космос имперсоналистически, как единое «телепатическое поле мира» [1, с. 202]? Уж если мир в целом в уме некоторых стал телепатическим полем, то что же, кому и по какой надобности в нём что-либо «телепатирует»: поле телепатирует нечто само себе, или это поле телепатически коррелированных нематериальных неопознанных объектов вне пространства-времени? Не знак ли это «антисистемного мировоззрения» по Л.Н. Гумилёву? И не напоминает ли такое эпатажное «телепатическое поле» с канувшими в нём в Лету «телами» и «мозгами» пресловутую и не менее эпатажную «телефонную линию» Ж. Дерриды, которая, по его словам, есть то, что «было в Начале» [7, с. 289]? Но всякий абсурд опирается на здравые мысли, искажая их до неузнаваемости. Не является ли тогда введение обсуждаемого конструкта всего лишь модельным перескоком от сугубо корпускулярной к сугубо волновой интерпретации (в данном срезе) общественного в Универсуме? Не значит ли это, что некоторые просто лелеют абсурд в его фантастической форме? И следует ли объяснять, что «лучистое человечество» в его «наивысшем телепатическом совершенстве» есть калька абсолютного деконструктора, отменившего бессмертие бессмертных и тела телесных. Это парафилософская и антинаучная абстракция социума в масштабе Универсума при его абсолютном отождествлении с бессубъектно интерпретируемым социальным: социум-Универсум, как действительность исключительно одного-единственного неделимого.

В итоге считаем: в работах Циолковского есть две версии интерпретации общественного, так или иначе, но увязываемые исследователями с проблемой автотрофности человека и человечества: 1) Индивидуально-организменная, или версия «индивидуальной автотрофности, о чём фантазировал К.Э. Циолковский»

[2, с. 479]. Она коррелирована с механицизмом и предполагает возможность и желательность «автотрофной» переделки человеческого организма, связана с оправданием уничтожения земной биосферы или других космических биосфер, критикуется в качестве технократической, граничащей с бесчеловечностью и экологически бесперспективной [8, с. 47]; 2) Только намеченной (возможно, существующей лишь в статусе отголоска некоторых неоднозначных образов-мечтаний, сообщённых Н.Ф. Фёдоровым) является версия собственно общественной автотрофности. Она может быть использована для адекватной философской разработки идеи автотрофности применительно к человеку и человечеству. В ней автотрофность мыслится по отношению к телесно гетеротрофному человеку в аспекте социентальных качеств, когерентных соразвитию биосферы и человечности (коэволюционных, духовно-нравственно-экологических). «Лучистое» же человечество – версия не общественной автотрофности, но некой гностической негетеротрофности.

Список литературы

1. Башкова, Н.В. Преображение человека в философии русского космизма [Текст] / Н. В. Башкова. – М.: КомКнига, 2007. – 224 с.
2. Ващекин, И.П., Мунтян, М.А., Урсул, А.Д. Глобализация и устойчивое развитие [Текст] / И. П. Ващекин [и др.]. – М.: Изд-во МГУК, 2002. – 588 с.
3. Гаврюшин, Н.К. Мистик-технократ (К.Э. Циолковский) [Текст] / Н. К. Гаврюшин // Философия не кончается... Из истории отечественной философии. XX век: В 2-х кн. / Под ред. В. А. Лекторского. – Кн. I. 20 – 50-е годы. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1998. – С. 702–717.
4. Желнина, Т.Н. К анализу воспоминаний А.Л. Чижевского как источника для изучения философских взглядов К.Э. Циолковского [Текст] / Т. Н. Желнина // Труды XXXI чтений, посвящённых разработке научного наследия и развитию идей К.Э. Циолковского (Калуга, 17-19 сент. 1996 г.): Секция «Исследование научного творчества К.Э. Циолковского». – М.: ИИЕТ РАН, 1999. – С. 147–160.

5. Желнина, Т.Н. Материалы к биографии К.Э. Циолковского [Текст] / Т. Н. Желнина // К.Э. Циолковский: исследование научного наследия и материалы к биографии. – М.: Наука, 1989. – С. 116–203.

6. Казютинский, В.В. Космическая философия К.Э. Циолковского [Текст] / В. В. Казютинский // Философия русского космизма. – М.: Фонд «Новое тысячелетие», 1996. – С. 108–132.

7. Кутырёв, В.А. Бытие или ничто [Текст] / В. А. Кутырёв. – СПб. : Алетейя, 2010. – 496 с.

8. Мапельман, В.М. «Я хочу привести вас в восторг... от ожидающей всех судьбы» (Космическая этика К.Э. Циолковского) [Текст] / В. М. Мапельман. – М.: Изд-во «Знание», 1991. – 64 с.

9. Московченко, А.Д. Проблема интеграции фундаментального и технологического знания [Текст] / А. Д. Московченко. – Томск: Изд-во ТУСУР, 2001. – 192 с.

10. Урсул, А.Д. Космическая философия К.Э. Циолковского и становление ноосферы [Текст] / А. Д. Урсул // Труды XXV Чтений, посвящённых разработке научного наследия и развитию идей К.Э. Циолковского (Калуга, 17-20 сентября 1990 г.). Секция «К.Э. Циолковский и философские проблемы освоения космоса». – М.: ИИЕТ РАН, 1993. – С. 189–211.

11. Циолковский, К.Э. «Вне Земли». Сборник научно-популярных и научно-фантастических работ [Текст] / К.Э. Циолковский. – М.: ООО «Луч», 2008. – 368 с.

12. Циолковский, К.Э. Очерки о Вселенной [Текст] / К. Э. Циолковский. – М.: ПАИМС, 1992. – 256 с.

13. Циолковский, К.Э. Промышленное освоение космоса [Текст] / К. Э. Циолковский. – М.: Машиностроение, 1989. – 280 с.

14. Чанышев, А.Н. Начало философии [Текст] / А. Н. Чанышев. – М.: Изд-во МГУ, 1982. – 184 с.

15. Чижевский, А.Л. Аэроионы и жизнь. Беседы с Циолковским [Текст] / А. Л. Чижевский. – М.: Мысль, 1999. – 716 с.